

Старообрядцы Псковской губернии в XIX в.

К началу XIX в. старообрядчество в России претерпело значительные изменения. На протяжении всего XVIII в. оно вело поиски возможности легализации своего положения. В более выгодном положении находились сторонники поповского толка, который был наиболее консервативен в обрядовом и бытовом плане. Поповцы, принимая священников, могли осуществлять все таинства, в то время как беспоповцы в этом плане оказались в трудном положении, так как не могли осуществлять таинства евхаристии и брака. Невозможность совершения брака было самым слабым звеном учения беспоповцев. Поморское согласие выступало за совершение браков в православии, а затем перекрещивание новобрачных вновь в «истинную веру». Федосеевское согласие в конце XVIII в. отвергало браки, совершенные в православии, поэтому для официальных властей дети, рожденные в таких семьях, были незаконнорожденными со всеми вытекающими из этого экономическими последствиями. Сложным в идеологическом плане был и вопрос о провозглашении молитвы за царя. Большинство приверженцев федосеевского толка, а также значительная часть поморцев в начале XIX в. отказываются молиться за царя, что вызывает еще большее недовольство властей. Однако в отличие от поповской общины, которая организовала отдельные провинциальные группы, связав их единством культа, а затем и единством иерархии, беспоповцы продолжали переживать значительные колебания, проходя через смены оживления и упадка. Это определялось в первую очередь автономией общин, мало связанных между собой, а также противоречиями, раздиравшими их. В силу этого в каждой общине складывались свои

обычаи, обряды и идеология, опиравшиеся на дониконианские отличия местных культов и вновь появившиеся традиции в условиях постоянного давления властей.

Не были исключением из этого правила и псковские старообрядцы. XIX век начинался для них достаточно благоприятно: 22 марта 1800 г. Павел I лично подписывает указ Святейшего Синода, в котором, в частности, регламентировались взаимоотношения официального православия и старообрядчества: по этому указу в домах старообрядцев запрещались самовольные обыски, православным священникам вменялось в обязанность служить примером благочестия и справедливости, обращая старообрядцев не угрозами, а личными беседами и увещеваниями. Указ этот был направлен по поводу жалоб местных церковных властей на расширение раскола. Указ был дан синодальному члену, «просвященному Иринею Архиепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому, и кавалеру»¹, потому, что многие из купечества, мещанства и поселян, состоящие в православии, стали уклоняться в раскол целыми селениями. Кроме этого, старообрядцы жалуются гражданским властям на приходских священников, которые для «собственной своей корысти» разнообразно притесняют раскольников, например без воли хозяев совершают требы у них в домах, принуждают хоронить покойников на одном кладбище с прочими и по официальным православным обрядам, принуждают ходить на исповедь и причащаться, взимая за это деньги, но не занося в книги исповедавшихся.² Таким образом, необходимо было провести разъяснения среди священников, чтобы «даже в мыслях ничего подобного не держали», так как такие факты приводят к «отпадению» колеблющихся в раскол; следовательно, необходимо было, чтобы священники всех в духовные книги писали правильно «без приписок и мздоимства». За

Хришкевич Андрей Петрович - учитель истории и общественных дисциплин милицейско-правового лица г. Пскова

нарушения священников необходимо лишать сана и отправлять под суд светских властей. Приходским священникам, в случае «отпадения» прихожан в раскол, для сохранения общей тишины и спокойствия, важно проводить беседы, раскрывая невежество «отпавших», увещавать не «корыстью и строгостью, а терпением и пастырской любовью». В случае упорства «отпавших» не чинить насилия, истязания, грубости и суровых огорчений, ибо «исправление сердца человеческого есть дело Божие». Священникам, которые хотят обратить «заблудших» и слишком часто приходят в дома старообрядцев, указать, что беседы с раскольниками можно проводить с добровольного согласия последних, а не по принуждению. В дома старообрядцев необходимо ходить по-соседски, с благовидным предлогом с разрешения хозяев; рекомендуется читать раскольникам исправленные нравственные книги об их заблуждениях, но «без укора и поругания». А самое главное, священникам следует в своих приходах заслужить о себе доброе мнение честностью, поведением и «пастырской ко всем любовью». Это скорее возвратит «отпавших» в раскол и новым «соблазна не буде». Также следовало поступать с теми, кого светские власти будут присылать для увещевания в консисторию. Тех же, кто останется непреклонен в своем заблуждении, отсылать обратно в те места, откуда они были присланы, не удерживая у себя более десяти дней. В случае необходимости посылать в места, где открылось заблуждение, духовных особ, опытных в работе с раскольниками, которые могли бы в короткие сроки привести заблудших к православию, но без нарушения указанных ранее правил, для сохранения тишины и спокойствия на местах. О своих успехах или неудачах следовало уведомлять гражданских губернаторов. При появлении в приходе беглых раскольничьих попов или наставников необходимо было, достоверно разведав, предупреждать гражданские власти.³ Кроме этого, в том же году Синод принимает решение «о единоверии», в котором признавалось, что старообрядческие священники единоверны

православию и с разрешения Синода православные священники могут совершать обряды среди староверов.⁴

Первая четверть века также характеризовалась смягчением давления на старообрядчество, в том числе и в Псковской губернии. Так, губернатор фон Адеркас даже разрешил построить старообрядцам в Опочечком уезде молельню, по жалобе крестьянина Максимова о том, что «есть старообрядческое кладбище, но нет молельни», а это расходится с указом императора, по которому все граждане «держат веру свою спокойно». Поэтому, следуя снисходительно к заблуждениям разных сект, если они не нарушают общего спокойствия, Опочечкому земскому суду не допускать «стесненный», так как люди должны иметь узаконенное место для богослужения. Этот указ был подписан 20 июня 1822 г.⁵ В целом эпоха Александра I характеризуется и духовным либерализмом. В высших кругах общества распространяется мистицизм, появляются различные течения, появляются масонские организации, розенкрейцеры. Среди низших слоев образуются новые секты: скопцы, хлысты, молокане и духоборцы. Все они существовали с попустительства властей. Так, молокане получали земли в Малороссии для поселения по 15 десятин на человека, в то время как большинство православных продолжали оставаться в крепостной зависимости.⁶

Но в первой четверти XIX в. в Псковской губернии не было представителей этих сект. Несколько скопцов появятся только в 30-е гг., привезенные своими помещиками из других мест.

Таким образом, светские власти в первой четверти XIX в. относились к религиозному инакомыслию достаточно лояльно, однако церковь не оставляла своего нажима на старообрядчество, причем часто пользуясь запрещенными в высочайших указах методами. Так, в архивах имеется значительное количество жалоб старообрядцев на произвол местных священников. В Псковском уезде, в Александровском посаде, местный священник дважды проводил обыски в домах мещан-старообрядцев пос-

ле захода солнца без представителей местных полицейских чинов. В результате обысков были изъяты шесть печатных богослужебных книг начала XVII в., две из которых так и не были возвращены.⁷ В архивных документах встречается также значительное количество жалоб православного духовенства светским властям на старообрядцев, которые пропагандируют свои взгляды среди православных, обращают в свою веру детей, создают семьи, не венчаясь в храмах. Однако стоит отметить, что наибольшее количество таких жалоб духовенства приходится все же на пореформенный период, т.е. последнюю четверть XIX в. В первой четверти старообрядческая община в губернии была малочисленной и слабосвязанной между собой. Единственным крупным центром старообрядчества был посад Сольцы Порховского уезда, где во главе старообрядцев федосеевского толка находилось несколько купеческих семей, которые обладали финансовой возможностью поддерживать старообрядцев других сословий.⁸

Однако, несмотря на либерализм, власти стремились контролировать состояние раскола. В правление Александра I Псковская старообрядческая община испытывала на себе двойственный характер конфессиональной политики государства: с одной стороны, некоторое послабление в существовании, запрет на церковный и полицейский произвол, с другой стороны, персональный контроль, запись в специальные списки старообрядцев, контроль со стороны церкви и полиции.

В начале XIX в. абсолютное большинство псковских старообрядцев было приверженцами беспоповского толка. Это объясняется в первую очередь тем, что в XVIII в. псковские поповцы в значительной мере были выселены из губернии, а часть из них, например, из Великих Лук переселились в Стародуб и Ветковские слободы на Украине. Среди оставшихся беспоповцев почти все считали себя принадлежащими к федосеевскому согласию, но практически никто, даже солецкие старообрядцы, не могли объяснить, в чем сущность обрядов Федосеевского толка. Все это происходило,

несмотря на старые традиции раскола. По сути Псковская земля издавна была центром религиозной оппозиции официальной Московской православной церкви, так как именно здесь в XIV в. зародилось движение стригольников, а в XV в. происходила борьба с «жидовствующими». Псков был одним из центров активного противостояния реформе Никона в XVII в. По решению процесса 1863-1864 гг. было сожжено несколько псковских старообрядцев, но это, пожалуй, единственный пример столь радикальных мер борьбы со старообрядчеством на Псковщине. Движение городских беспоповских общин, сформировавшееся по решению Новгородских соборов 1692 и 1694 гг., занимало наиболее радикальную позицию среди старообрядцев. После смерти первого вождя движения Харитона Карпова руководящее место занял дьячок Крестецкого Яма Феодосий Васильев, именем которого и стало называться все согласие. В 1696 г. Феодосий уводит практически всех своих последователей под Невель, в то время относившийся к Полоцкому княжеству Литовского государства. Невельская община была первой известной беспоповской общиной городского типа. Значительная часть оставшихся в Пскове и Новгороде беспоповцев уже до начала века очистились от грешного мира путем самоожжения. Таким образом, к началу XVIII в. в Пскове практически не остается старообрядцев.⁹ В дальнейшем старообрядчество на территории Псковского наместничества Ингерманландской губернии распространяется путем проникновения старообрядцев-федосеевцев из Литвы. Польско-литовские власти и католическая церковь на первом этапе благосклонно относились к беглым из России старообрядцам, как поповского, так и беспоповского толка. Суровая дисциплина, послушание своему наставнику и самому Феодосию, многочасовые службы и общность имущества являлись главными правилами существования невельской общины. Общность имущества обуславливала и общность хозяйства. При общине были свои молельня, больница, богадельня и многочисленные хозяйственные постройки, где

постоянно и бесплатно работали члены общины. Многочисленные, длинные по дониконианскому уставу, но без литургии и священников, руководимые наставником церковные службы, суровая дисциплина, общность имущества, трудовой «подвиг» и безбрачие во многом напоминали монастырь. Но и феодосьевская невелицкая община, и более поздние общины значительно отличались от православных монастырей. В этих общинах не было пострига и обета; безбрачие на первом этапе являлось следствием догматического принуждения, а не добровольного решения отдельного члена общины. В 1709 г. невелицкая община была разгромлена польскими солдатами, не желавшими ссориться с Петром I в ходе Северной войны. Однако совершенно неожиданно для Феодосия он находит поддержку у Меньшикова, и община перебирается с разрешения Петра на Псковщину, где и обосновывается. Но церковные власти, несмотря на поддержку Феодосия со стороны Меньшикова, достаточно быстро находят повод для ареста лидера старообрядческой общины, вскоре в заточении умирает Феодосий, а община распадается. С этого момента Псковская земля перестает играть роль лидера в старообрядческом движении. Спустя сто лет, в первой половине XIX в., псковские старообрядцы не имели явных лидеров; большинство наставников получали книги и новые указания от своих коллег из Полоцка и Риги. Основные взгляды старообрядцев XIX в. за сто лет не изменились. По-прежнему считается, что спастись от преисподней в загробной жизни можно только «Древним благочестием и праведной жизнью». А для этого необходимо соблюдать все каноны старообрядчества и ограничить свои контакты с внешним миром. В условиях николаевского правления это не всегда было возможно, так как светские и церковные власти пытались вести разъяснительные беседы со старообрядцами. Причем рекомендовано было использовать для бесед древние книги. Но это нововведение приводило к обратным результатам, старообрядцы заявляли, что «раньше за эти книги вы нас пытали, а теперь они годные оказались».¹⁰

Моленные старообрядцев чаще всего представляли собой обычную комнату в жилом доме, где собирались и молились члены семьи и другие представители общины, не имевшие собственных моленных комнат. Редко удавалось приспособить под моленную отдельное строение. Например, моленный дом в деревне Марфино, построенный, как упоминалось, с разрешения псковского губернатора при Александре I, выглядел следующим образом: «Изба 4 на 2,5 сажени с сеньями, крытая тесом. Наверху глава типа церковной с деревянным крестом покрашена зеленою краскою, а крест - белой. В избе 2 окна. У крыльца доска, привязанная к крыше и при ней 2 деревянных молотка. Половина дома внутри перегороджена стеной, крашеной красной краской. В прихожей по лавке с каждой стороны. В комнате 3 аналая, боковые крытые белой бумажной материей, а центральный зеленым сукном. В комнате находятся: Медный крест в деревянном ставце. Образа:

1. Пророка Ильи
2. Господа Вседержителя
3. Благовещения
4. Трех Святителей
5. Усекновения главы Предтечевой
6. Распятие Иисуса Христа
7. Пресвятой Богородицы
8. Николая чудотворца
9. Архангелов Михаила и Гавриила
10. Спасителя Иисуса Христа
11. Пресвятой Троицы

Все иконы на досках новые. Створцы медные с ликом Спасителя, Богородицы и Крестителя. Рождество Богородицы в медном окладе, Козьмы и Демиана на большой кипарисовой доске.

Книги:

1. Сборник
2. Учительное евангелие
3. Пролог Мартовский»¹¹

Таким образом, к XIX в. старообрядческие общины не только сохраняли старые иконы и книги, но и получали новые иконы. Книги же использовались в Псковской губернии в большей мере печатные, от 1550 до 1661 гг., но в основном печатные книги первой половины XVII в.

Николай I, в силу своего воспитания желавший превратить страну в казарму, естественно, не мог оставить без внимания церковные дела. Поэтому в годы его царствования запрещалось строительство старообрядческих молелен, а старые скиты и молельни подлежали закрытию. На домах старообрядцев, где проводились богослужения, надлежало ликвидировать кресты. В это время была ликвидирована и Марфинская молельня, несмотря на многочисленные жалобы старообрядцев и ссылки на разрешение фон Адеркаса от 1822 г. Хозяина моленной, продержав некоторое время в тюрьме в Пскове, отпустили, иконы и книги вернули. Но само здание было разобрано и продано с торгов, деньги от которых были направлены на нужды уездного попечительского собрания. Усиливаются и репрессивные меры против старообрядцев. Так, за обращение других лиц в старообрядчество предусматривалось строгое наказание. В частности, секретное предписание Министра внутренних дел Псковскому гражданскому губернатору от 17 июля 1848 г. предусматривает следующее: «...государственного крестьянина Лазаря Кондратьева и его жену Марфу за окрещение по расколу дочери своей выдержать в тюрьме по одному месяцу каждого, но не в одно и то же время».¹² Затруднялось проведение репрессивной политики государства тем, что большинство русских купцов и фабрикантов, а также значительная часть казаков были старообрядцами и преследовать их государственная власть не могла по экономическим и политическим причинам. В связи с этим проявляются противоречия политики Николая I в отношении старообрядцев: с одной стороны, высылки крестьян и закрытие молелен и скитов; с другой, указы - 1827 и 1834 гг., запрещавшие обыски у старообрядцев и разрешавшие иметь домашние, не обозначенные внешне молельни.

В эти годы у старообрядцев появляется своя иерархия - Белоцерковское согласие. Однако оно признается только небольшой частью старообрядцев поповского толка.

В XIX в. старообрядчество по-прежнему остается привлекательным для крес-

тьянства и значительной части городского населения тем, что сохраняет соборность. Начетники и наставники избирались общиной, община же принимала решение о приеме священников. Все это отсутствовало в официальном православии, которое после Петровских преобразований стало частью государственной машины.

В борьбе со свободомыслием Николай I хотел использовать единоверие, Указ о введении которого был принят в этот период. Единоверцы получали определенные льготы, могли иметь своих священников, назначаемых, впрочем, официальной церковью. В то же время усиливался нажим на старообрядцев с целью заставить их перейти в единоверие или никонианство. По ряду данных к концу царствования Николая I эта политика дала обратные результаты. Считают, что по переписи населения 1852 г. почти четверть населения (около 10 миллионов) придерживалась старой веры.¹³ Но Псковская губерния в этот период значительно снижает свои показатели старообрядческой общины. В 1850-1851 гг. власти предпринимают серьезную попытку покончить со старообрядчеством среди владетельных, помещичьих крестьян. В поздних источниках (70-х гг.) упоминается, что в 1851-52 гг. помещики принуждали своих крепостных принимать православие (что не могло быть просто «благим побуждением») без вмешательства властей, учитывая почти двухвековую терпимость к вере своих крестьян.

Значительным плюсом в существовании старообрядчества было то, что среди них активно распространялось просвещение: для чтения книг начетники и наставники должны были быть грамотными. В условиях значительной неграмотности сельского населения грамотные старообрядцы привлекали новых сторонников.

Либеральные реформы Александра II привели к росту старообрядцев за счет легализации сочувствующих. В связи с этим правительство вынуждено было снова ужесточить контроль за старообрядчеством. Вместе с разрешением старообрядцам регистрировать браки в гражданских учреждениях и вовлечением городских старообряд-

цев в государственные дела (посредством включения в земские и городские органы) государство усиливало давление на сельских старообрядцев. Но главной силой воздействия становилась церковь. Во второй половине века, в связи с проводимыми властью реформами 60-70-х гг., полиция сокращает свое вмешательство в контроль над вероисповеданием. Эти функции почти полностью передаются епархии, что и отражается в архивных документах. Однако составление списков о движении количества старообрядцев остается в ведении полиции.¹⁴

Иерархи поповского толка Белоцерковского согласия в 1862 г. объявили о том, что считают никониан христианами и братьями, осуждая при этом преследования старообрядцев. Но это послание вызвало протест среди приверженцев этого согласия и

новый раскол на «окружников» и «раздорников».

Александр III продолжил двойственную политику, запрещая публичное проявление обрядов, но разрешая старообрядцам владеть имуществом, получать паспорта, иметь иконописные мастерские. После закона «о правах старообрядцев» 1883 г. количество старообрядцев в губернии увеличивается, почти все насильно обращенные в православие в 50-х гг. старообрядцы возвращаются к вере своих предков. Увеличивается и число различных толков на территории губернии. В этот период начинается постепенное разложение старообрядчества, все больше их переходит в единоверие или никонианство, опасаясь новых гонений. Окончательно прекращение преследований старообрядцев закончится только 17 апреля 1905 г.

Примечания

1. ГАПО, ф.39, оп.1, д.7660, л.1.
2. Там же, л.3.
3. Там же, л.6.
4. *Поспеловский Д.* Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1995. С.462.
5. ГАПО, ф.20, оп.1, д.840, лл.1-20.
6. *Поспеловский Д.* Указ. соч. С.466.
7. ГАПО, ф.20, оп.1, д.7672, с.34.
8. Там же, ф.20, оп.1, д.1048, с.27.
9. Там же, ф.39, оп.1, д.7655, л.6.
10. Там же, ф.20, оп.1, д.840, лл.1-20.
11. Там же, ф.20, оп.1, д.1640, л.18.
12. *Поспеловский Д.* Указ. соч. С.468.
13. ГАПО, ф.20, оп.1, дд. 1048, 1054; ф.39, оп.1, дд.7498-7500.